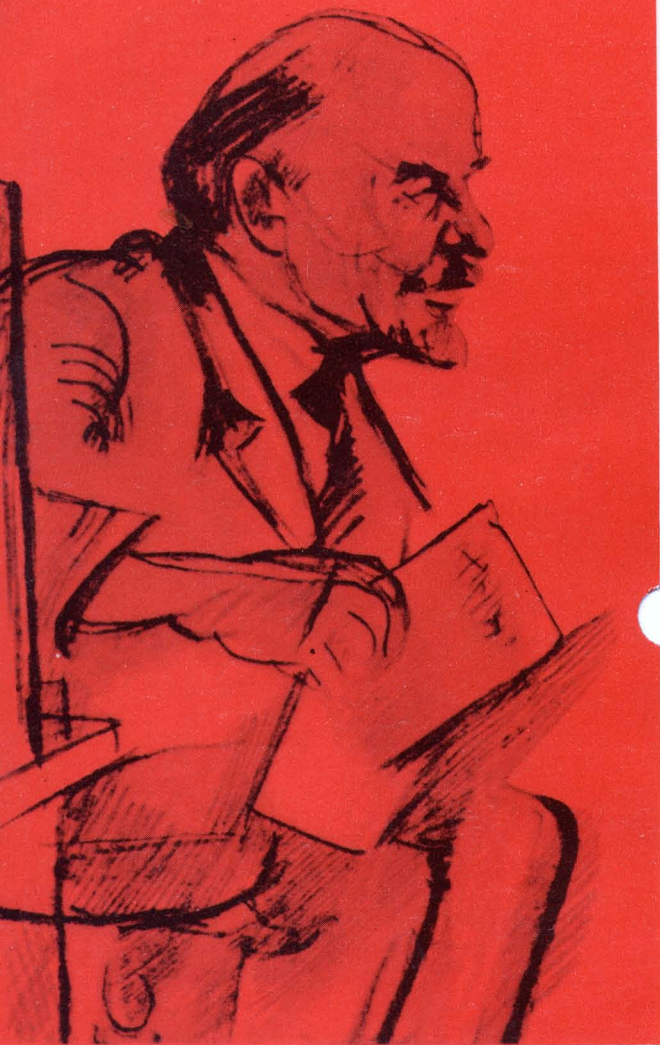

**КАБИНЕТ ЛЕНИНА.
У ПРЯМОГО ПРОВОДА
ГОД 1967**

3 **КРУГОЗОР** **67**

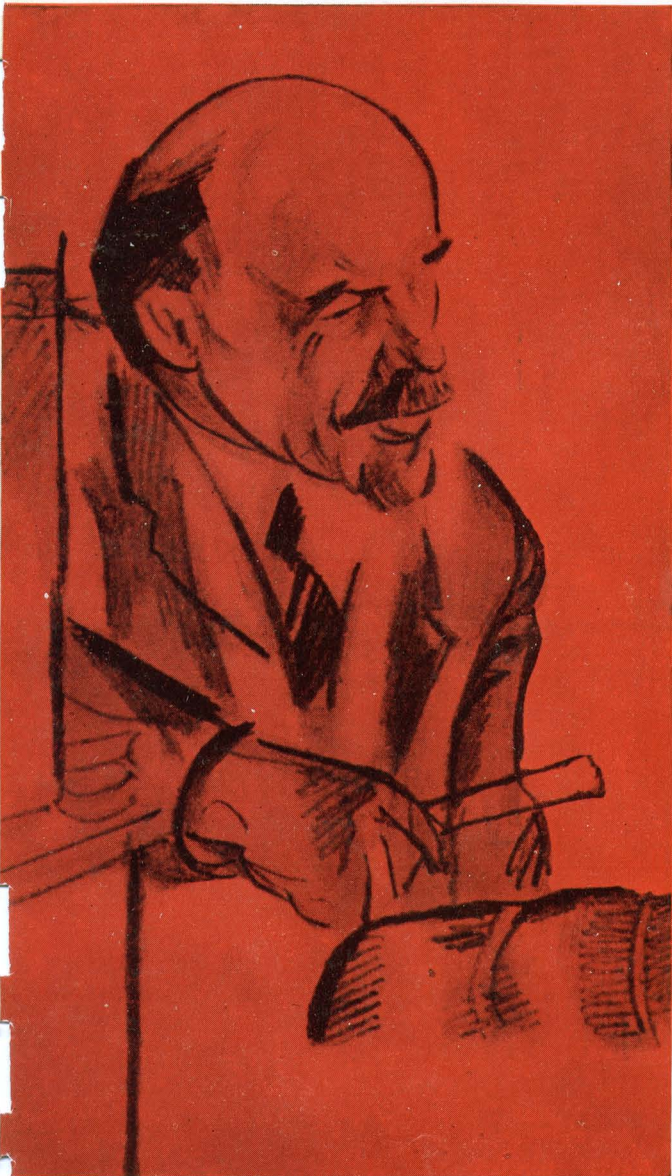
МЕТРО!

Рисунки
Натана Альтмана.

Москва. Кремль.
1920 г.

— Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше.

Сказано это более полувека назад, весной 1911 года, в Париже, на улице Мари-Роз. Сказано Лениным навестившему его Максиму Горькому. Писатель рассказал тогда Владимиру Ильичу про свои «приключения» в Америке, где он и его «невенчанная» жена Мария Андреева стали мишенями злобой и тупой ханжеской газетной травли.

— Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич, — вспоминал Горький. — Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться...

То, что показалось тогда художнику странным, было совершенно естественным и правомерным. Ведь смех — это всегда оружие сильных. Победителей, а не побежденных. Смех убивает. Тяжко ранит. Но смех и очищает. Возвращает бодрость духа. А она вовсе не была неиссякаемой даже у людей такого исполинского душевного здоровья, каким обладал Ленин.

Но Ленин не только очень понимал юмор. Он мастерски владел им. Юмор Ленина по его духовной да и социальной природе необыкновенно близок юмору Маркса и Энгельса. Белинского и Герцена. Чернышевского и Добролюбова. Это юмор исторического оптимизма. Уверенность в неотвратимости победы сил прогресса над ухищрениями реакции. Ясное понимание необратимости исторических процессов. Их логики и — что еще того важнее! — диалектики.

В юморе Ленина оптимизм победившего рабочего класса. И проникнут он уважением к уму людей труда. Презрением к их врагам, а особенно демагогам...

Сатирическую галерею портретов идейных противников пролетариата, созданную Лениным-полемистом, трудно воспроизвести и в объемистой специальной монографии. Нет ни одного ленинского полемического выступления, в котором он не обращал бы те или иные средства публицистической сатиры против либеральных «друзей народа» или трусливых «экономистов». Эсеровского авантюризма или меньшевистского соглашательства. Кадетского лицемерия или черносотенного хулиганства. И в арсенале этих средств остроумная игра слов каламбура сочетается с характерным преувеличением гиперболы. Шутка — с анекдотом. Обличительный диалог — с убийственно меткой пародией.

— Без шуток нельзя говорить на больших собраниях, — не раз замечал Ленин и добавлял к этому, что люди устали, «надо по-человечески понимать».

Окончание читайте на 4-й странице.

50 лет Октября — это претворение в жизнь ленинского плана кооперирования деревни...

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

1917

1967

Шли ходоки из Питера Алтаем,
Шли осенью в семнадцатом году.
Искали землю — где она, такая,
Под стать освобожденному труду!
И ветер был — орлиный, чуждый, юный,
Багровых маков дыбились пучки...
«Мы отыскиали землю для Коммуны», —
Писали петроградцам ходоки.

Строки из поэмы «Первороссийск» О. Берггольц уже сейчас читаются как летописные.

Так было. В 1918 году двести семей питерских рабочих покинули голодный город и уехали на Алтай, чтобы, основав коммуну, прокормить себя и послать часть урожая товарищам-пролетариям. Перед отъездом были у Ленина. Владимир Ильич пишет наркомку земледелия: «Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями (1-ое Российское Общество землеробов-коммунистов) насчет того, как, где достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески». (Обратите внимание на слова: «1-ое Российское». Сегодня они в названии совхоза.)

Приехали к весне. Жили в палатках. Потом начали строиться. Порой на себе пахали.

Связь травы незнакомая Россия

Виделась в новой прелести своей...

Урожай убрать не пришлось. Белоказики сожгли хлеба, разогнали коммуну. Двадцать восемь ее руководителей расстреляли.

Не осталось сейчас в совхозе «Первороссийск» ни одного живого свидетеля тех событий. Ни один не может сказать: «Я помню, как...» Все моложе. Но о первых коммунарах помнят. «Если бы Грибакин, первый председатель коммуны, увидел, какая здесь теперь жизнь...» — сказал нам директор совхоза П. Т. Полянский.

Много было крутых переломов в судьбах, в географии даже. Лет десять назад, когда строили Бухтарминскую ГЭС, затопило Первороссийск, Усть-Бухтарму, Красный Алтай, Кондратьевку, Черновую, Гусевку. Донные воды моря медленно перемещаются над остовами старых домов. Ревет в плотине смерч из девяти турбин, и еще на пол-

сотни километров в любые морозы не поддается льду Иртыш.

На новом месте совхоз. Но люди называют себя так же — ПЕРВОРОССИЯНЕ.

В. ВОЗЧИКОВ.

пос. Первороссийск,
Восточно-Казахстанская область.

На снимках А. Лидова:

**Строят по задуманному плану,
Весь чертеж мечты убергли...**

Там, внизу, поселок Первороссийск — пятьсот дворов, десятилетка. Широкоэкранный установна в клубе — премия за двойной против плана урожай.

Комбайнер В. Миронов: «Я первый год работал на самоходном комбайне. Машина понравилась. Правда, поля в горах такие, что комбайнеры их называют «карточной системой» — по гектару, по полтора. Переезды опасные, иной раз едешь и глядишь в пропасть...»

Витя Данилов: «Мой папа — Анатолий Васильевич. Он работает в гараже. А я буду моряком. Вон у нас море — рядом...»

На второй звуковой странице: хроника четырех поколений крестьянской семьи.

МЕТКО!

Окончание. Начало читайте на 1-й стр.

И, как всегда, у Ленина понимание юмора и его роли в жизненной и особенно политической, или — что означает, как известно, то же самое — идеологической, борьбе глубоко осознано. Выношено. Продумано. Испытано. Быть может, известный ключ к этому дает ленинская заметка в конспекте «Лекций о сущности религии» немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха. На 447-й странице этого труда, изученного и законспектированного, видимо, в 1909 году, в Парижской Национальной библиотеке, Ленин выписывает такой афоризм философа:

— Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе...

— Метко! — восклицает на полях Владимир Ильич. Из такого предположения ума в своих уже не читателей, а слушателей неизменно исходит он и выступая с трибуны. «Физическую силу ума», по образному выражению Лассалья, Владимир Ильич ценит наряду с мужеством и бодростью, честностью и скромностью.

...В конце декабря 1921 года Ленин намечает назначить народным комиссаром земледелия сибирского крестьянина-коммуниста В. Г. Яковенко. Яковенко хорошо знал Емельяна Ярославский. Ленин лаконично запрашивает его о качествах выданного им кандидата:

— Опыт? Уважение крестьянства? Знание хозяйства? Твердость? Ум?..

И, лишь узнав, что этот «властный, твердый человек» еще и «умный, сметливый», поддерживает кандидатуру нового наркома.

В ленинской резкости и остроте и в помине нет грубости. Летом 1921 года «наркомоздрав» (и старый товарищ Владимира Ильича) Н. А. Семашко горячо возражает против создания Всероссийского комитета помощи голодающим, опасаясь проникновения туда меньшевиков и эсеров. Действует в комитете и Кускова, автор печально знаменитого «Кредо» — символа веры «экономистов», выступивших в конце прошлого века против революционного марксизма. Но Ленин считает, что и кусовы могут помочь голодающим крестьянам Поволжья. И он пишет наркому:

— Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!.. Не ревнуйте к Кусковой... От Кусковой возьмем имя, подпись, ПАРУ ВАГОНОВ от тех, кто ей (и ЭДАКИМ) сочувствует. БОЛЬШЕ НИ-ЧЕ-ГО. Не трудно, ей-ей, это сделать.

...В январе следующего, 1922 года Ленин возвращает Глебу Кржижановскому рукопись книги А. Горева об электрификации Франции. Владимир Ильич разочарован. Он ожидал от рукописи большего. Бывший большевик, который «так... пленил» председателя Госплана, должен был, по мнению Ленина, дать «внушительную, яркую, сильную, по-

пулярную пропаганду...». Вышло же у него лишь «профессорски». И Ленин предлагает автору «написать еще вступление или послесловие... сугубо популярно, наглядно, чутьчку размашистее (прописать ему для себя 3 грамма вытяжки из лари-низма; говорят, появились в продаже в Москве)...».

Меткость ленинской шутки о вытяжке «из лари-низма» можно оценить, лишь зная Юрия Ларина, неутомимого прожентера, выдвигавшего один «прожент» за другим. От замены недели «пятинедельной-непрерывной» до отмены — для экономии бумаги и труда полиграфистов — ... полей в книгах и газетах, а заодно и... прописных букв и чуть ли не знаков препинания. Недаром в другом письме, адресованном на этот раз секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе, Ленин снова предостерегает от ларинского прожентерства:

— Хороший парень, — как поэт, как журналист, как лектор. Но мы дураки, ставим его к законодательной работе и этим портим, ГУБИМ и его, и работу. Следите, Христа ради, постороже. Никогда не пускайте Ларина. Если уже попал куда, не верить ни одному его плану, проекту, — и без тройной проверки не давать ходу.

В те же дни Ленин пишет А. Д. Цюрупе о различных системах государственных банков в капиталистических странах и близости одной из них, как подчеркивает Владимир Ильич, «к ТОРГОВЛЕ».

— Надо засадить парочку наших «финученых» (не острить ли — фи-ученых?) за этот вопрос.

Ленинская острота о «фи-ученых» имела немало оснований. Ведь один из руководителей Госбанка, А. Л. Шейнман, исповедовал взгляды, в которых Владимир Ильич видел «верх ребячества, верх коммунистически-сановного ребячества». И Ленин противопоставляет «сладенькое чиновно-коммунистическое вранье», которым Шейнмана «все кормят, как сановника», горькой правде о процветающей в то время в Госбанке и других финансовых органах северной игре «в бюрократическую переписку бумажен».

— И если, — пишет Владимир Ильич, — Вы не захотите открытыми глазами через все коммранье смотреть на эту правду, то Вы — человек, во цвете лет ПОГИБИШИ в тине казенного вранья. Вот это — неприятная истина, но истина.

Истиной. Одной только истиной. Истинной историей. Философией. Политики. Логикой. Здравого смысла людей труда. Истиной их жизненного и нравственного опыта были все ленинские высказывания. Всегда глубоко эмоциональные, они полны страсти. Гнева. Скорби. А нередко, как мы попытались показать в этих беглых заметках, и юмора. Да, Владимир Ильич не раз советовал отвечать на всяческий консерватизм в самых разнообразных сферах жизни «только одним — насмешкой». Совет этот содержится в самой последней ленинской статье, законченной им 2 марта 1923 года, знаменитой статье «Лучше меньше, да лучше», заключающей ленинское политическое завещание советским людям...

Борис ЯКОВЛЕВ

Есть в математике понятие, которое сейчас будет довольно не строго приведено: стремление к пределу. Пример — многоугольник с бесконечно растущим числом сторон, который стремится стать окружностью. Увеличивается число сторон, зрительно многоугольник уже похож на круг, но лишь зрительно.

Увеличивается число сторон...

Многие дни Ленина уже известны час за часом, этим занимается группа биохроники Института марксизма-ленинизма. Пишутся новые исследования. Выходят все более пристальные документальные фильмы, осторожно показывающие нам рукописи, пустые комнаты старых домов, фотографии на твердых, с реставрированными углами паспарту.

Полотняные складки чехла, ниспадающие с его кресла, книги, плотными слоями видимые из-за его спины, блестящие никелированные части его хорошо теперь отремонтированного автомобиля. Последние дни его и записки, продинтованные секретарям, три речи на пластинке от 25 апреля 1921 года, бесследно пропавшей. Все это упомянуто, зарегистрировано, осталось в памяти художников и ученых.

Нас ждут еще новые открытия.

Увеличивается число сторон.

Зрительный образ все больше приближается к пределу в его строгом понимании.

Но в общей памяти остается не все, что находят исследователи. Общая память выбирает главное.

Об Илье Муромце спроси сейчас, скажут: бога-

тырь на коне, защищал бедных, тридцать три года копил силу. Десять веков назад разные спрешенные, может быть, сказали бы разное. Сказали бы: невысок, рудая борода. А кто бы сказал: зело силен. Можно было бы, если бы так привелось, восстановить по методу профессора Герасимова лицо Ильи Муромца. Но в антропологические музеи ходят не все.

Сказания знают, хоть понаслышке, все.

Сивозь подлинное лицо неизбежно проступит сказание.

Каждому, кто развернет книгу Ленина, он откроется по-своему, по-своему остановит, очарует, паразит.

Но, кроме этого, кроме собственно увиденного и прочитанного Ленина, есть Ленин в памяти людей. Есть человек, о котором рассказывают устно и будут рассказывать из поколения в поколение. Есть сказание о Ленине. Оно создается на наших глазах.

Люди стремятся к пределу — не математическому.

Л. СТЕФАНОВА

На первой звуковой странице — рассказы о Ленине людей, никогда не видевших его. Мы встретили их в морозные январские дни на перекрестках и площадях, на подходах к Дому Союзов. Сорок три года назад на этом пути текли людские толпы, горели костры.

**стремление
к
пределу**

Память человека. Она хранит множество событий, лиц. И поэтому вы легко узнаете родные вам образы. Кожаная куртка комиссара и красная косынка бойца отряда «легкой кавалерии», каска метростроевки и широковоротная гимнастерка санинструктора —

милые девочки, современницы великих событий. А героини сегодняшнего дня? Где они? Посмотрите вокруг, и вы их обязательно увидите: те же одухотворенные лица, те же высокие мысли и чувства!

Фото Нины Свиридовой.

Украинский поэт Микола Бажан назвал свои поэтические новеллы вариациями на тему Р. М. Рильке. Жанр поэтических вариаций не часто встречается в наше время. Границы его условны. Микола Бажан в предисловии, предпосланном этому своеобразному произведению, пишет о том, что не философские искания немецкого поэта, а изобразительная сила его стихов послужила для него отправной точкой. «Четыре рассказа о надежде» — не перевод и не подражание. Это самостоятельное поэтическое творение, созданное с большой силой и непосредственностью. Начало этой вариации — первая моя попытка перевести стихи Миколы Бажана на русский язык.

Д. САМОЙЛОВ

из «четырёх рассказов о надежде»

Поле черно, черны стрехи, черны тучи,
Черны лица, черны ноги, черен брег,
И так всегда, и так навек,
До тех пор, пока тебя в песок сыпучий
Не упрячет черный человек.
Разгулялся вихрь на косогоре,
Раскружился ветер — прынул в дол.
Не вздохнется — воздух так тяжел,
Не глядится — черный мрак во взоре,
Черный вихрь гуляет на просторе,

Черный ветер по свету пошел.
Черной пылью все вокруг покрыло:
Перелески, хутора, бугры.
И ночная темь бубнит уныло:
Падай и умри. Пади. Умри. Умри.
Просят дети дать испить водицы
В черных хатах черного села.
Пыль заполонила все криницы,
Ключевые воды замела.
Занесло межи, похоронило нивы,
С голых пашен шкуру соскребло.
И тоска над степью молчаливой
Черным солнцем встала тяжело.
Отгудело. Смокло. Отшумело.
Тишина, как крышка на гробу.
Черный, вязкий пот течет по лбу,
Пот сбегает по худому телу.
Пот — как смола, день — словно гроб,
Тьма — как чума.
Надежды нет, и тишина нема.
Нема слеза, горька, как полугар,
Стекает, на щеках прорыв борозду.
Ты выйдешь ли, надежда, на дорожку,
Чтоб повстречал тебя плугарь?
Не плачь, хозяин, наг и сир,
Не веруй в чудо черных слез.
Пропал твой двор. Пропал твой мир.
Стань пылью, чтобы вихрь унес.
Мозоли жесткие грызи,
Прах не стирая со щечи.
Ищи в распаханной грязи
Твоих проросших зерен корешки.
Пропал твой род. Пропал твой плод.
И хлеб пропал, и только хрип
Уродует засохший рот.
Пыль затвердела, как кора,
И грудью ты к земле прилип —
Как корешку, тебе пора
Залечь, завянуть, умереть.
А был хозяин добрый — любо посмотреть.
Во всей округе не сыскать такого человека.
Хоть и бедняк он — одноногий калека,
Без левой — левую отдал за царя.
Гниет она где-то в маньчжурской пустыне,
На желтых мукденских песках и снегах,
И стонет доньне, и воет доньне,
Припомнив сибирский безжалостный шлях.
Ты мерил тот шлях, одноногий Степан,
Когда, как лунатик, хромал по степям
На тесаной, куцей ноге деревянной,
Кружки оставляя в пыли окаянной.
Убогие стены бедняцкой землянки,
Клочочки полей, как осенние гнезда.
А рядом чернеют угрюмо и грозно
Равнины Фальцфейна, курганы Родзянки.
И вдруг как задуло, пошло, закурило —
Огромно, паляще, черно и багрово.
Сквозь хмарь чернозема дневное светило
Ползло, словно чудище, круглоголово.
Коробило землю, сдувало покровы,
Валило волною из дали бездонной.
Ревуче, безмерно, черно и багрово
Катился над степью котел раскаленный.
Поля задавило. Сгубило посевы.
Могильной пургой прошло по степи.
Смоленой метелью. Пылищею серой.
Беда. Безнадежность. Кустов костяки.

Микола БАЖАН.

У этой весны, казалось Лашкову, был какой-то особый запах, особая легкость и цвет. Все вокруг него выглядело необыкновенно трепетным и словно лишенным веса. И сам себе он представлялся со стороны как никогда молодым и удивительно легким. Если бы нынче ему, Василию Лашкову, час за часом, минута за минутой напомнили то, что осталось у него позади, он бы не поверил или, во всяком случае, постарался тут же забыть об этом. Его переполняло острое ощущение новизны происходящего. Какой тиф? Какие окопы? Какая там еще голодуха? Сон! Пригрезилось душной ночью.. Но даже и не будь это сном, он согласен трижды повторить свою судьбу ради такой весны, да что весны — дня, одного такого дня!

Сидя друг против друга за столиком летнего кафе в Сокольниках, они с Грушей пили пиво и улыбочиво молчали. Где-то за березами, густо обрызганными первой листвою, оркестр тосковал по далеким маньчжурским сопкам, и под его стонущие всплески птицы, с криком взмывая к небу, мгновенно растворялись в пронзительной голубизне.

Пиво упруго пенилось, и сквозь пену где-то у самых лашковских глаз плавали Грушины руки, схожие с двумя большими белыми рыбами. Он лытался коснуться их, но они ускользали — гибкие и почти неосазаемые. Чуть раскосые глаза ее, зовущие, мерцали, рассыпаясь в пущырчатой пене на множество голубых капелек.

Груша увещевала его:

— Ну, не балуй, дурачок, ну, не балуй же! Лашков только смеялся в ответ и молчал. Да и о чем ему оставалось говорить? Все, чем живо было сейчас его сердце, он, сколько ни бейся, не сумел бы облечь в слова. Тридцать три года — это, конечно, не первая молодость, но ведь ей не восемнадцать, а если еще и впервые, то всегда кажется, что впереди вечность. У него, как, наверное, и у нее, не обошлось без историй в прошлом. Но разве это имело сейчас какое-нибудь значение?

Потом он повел ее лесом, лес обступал их все теснее и теснее, пока наконец березовый молодняк не отрезал им путь, и тогда Лашков сказал Груше свои первые, не придуманные заранее слова.

— Пойдем туда, — он неопределенно махнул в сторону узенькой просеки в березняке, — туда, где самое небо.

— Дурачок, неба нету.

— А если пойти?

— Дурачок, ты много выпил.

— Я ни капельки не пьяный. Просто я хочу пойти туда. И с тобой.

— Ну, пошли, дурачок.

— Будем идти, идти, чтобы лес не кончился. Так и пройдем все сто верст до небес и все лесом, лесом...

Отрывок из новой повести. Действие повести происходит в начале тридцатых годов.

НЕБО ВЕСНЫ

В. МАКСИМОВ

— А вот он и весь, лес-то, дурачок.

Они вышли к неглубокому оврагу, за которым тянулась парковая изгородь. Лашков снял свой новый коверкотовый пиджак и постелил его на траву.

— Давай, Груша, посидим здесь до ночи, а то и до утра.

Простудимся, дурачок.

Груша все-таки села, а он лег рядом, и положил ей голову в колени, и стал глядеть над собой. И ему вдруг показалось, будто небо приблизилось к нему настолько, что до него можно дотронуться рукой и написать по нему пальцем, как по застеленному стеклу, любое слово. И он дотронулся и написал — и вышло: «Груша».

— У тебя колени теплые-теплые... И сердце слышно.

— Дурачок...

— Нет, правда.

— Дурачок...

— Груша, что нам житься ждать? Хватит нам покида и моих восьми метров, уместимся.

— А дети пойдут.

— До детей-то, эх, сколько времени.

— И года хватит...

— Груша...

— Что, дурачок?

Она наклонилась над ним. И небо исчезло. И он утонул в ее глазах, а она растворилась в нем. И мир вокруг них перестал существовать.

Она со снисходительной ласковостью сказала:

— А ты говоришь — дети. — И, немного погодя, строго добавила: — Только ты не надсмейся надо мной, я злая.

— Что ты, Груша!

— Все вы так-то поначалу.

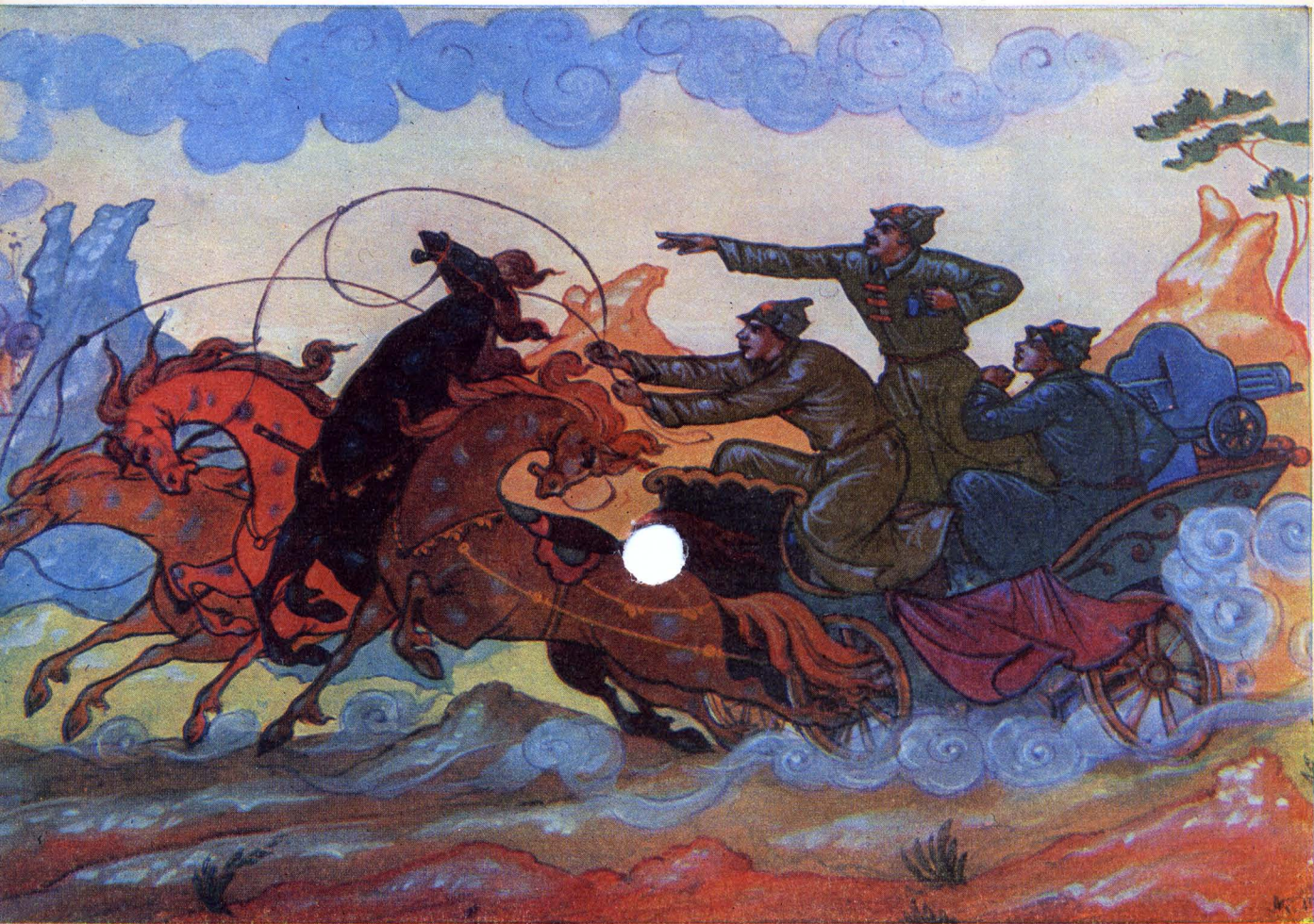
— Что ты, Груша!

В этот день Груша впервые вошла в лашковскую комнату. Вошла, хозяйственно осмотрелась и сразу же засучила рукава:

— Эх вы, холостяки сычевские! По колено в грязи, а нос — к потолку.

Она хлопотала ухватисто, быстро, со вкусом, но в то же время без суеты. Вещам и предметам как бы передавалась ее собственная жизненная устойчивость, и комната под легкой Грушиной рукой постепенно приобретала домовитую осмысленность. Работая, Груша словно любовалась сама со стороны, словно чувствовала, как приятно Лашкову смотреть на нее сейчас, до того каждое ее движение отмечала царственная законченность. А Лашков действительно с деликатной робостью новобратного следил за ней и улыбался счастливо и виновато.

Лунная полоса скользила по комнате — от двери к печи, а в открытую форточку текла музыка. Лашков слышал ее всякий раз, когда Храмовы оставляли свои окна открытыми, но если раньше она звучала для него диковинно и непонятно и вызывала лишь досаду и раздражение, то теперь ему почему-то хотелось заплакать, заплакать просто так, беспричинно.

В этом номере с песнями революции и гражданской войны вы встретитесь дважды — на звуковой и печатных страницах. Художник из Палеха А. Куркин воплотил в своих рисунках песни «Тачанка», «Мы — кузнецы», «Как родная меня мать провожала». Наша память бережно хранит песни и краски героических лет.

Владимир
СОЛОУХИН

Что же составляет чувство Родины?

Прежде всего любовь, проникновение, сознательное или, может быть, в иных случаях бессознательное, чувство родной природы. Кому степь, кому горы, кому морское, пропахшее рыбой и солью побережье, а мне — родная русская природа. Не горная, ворожающая камни река, а тихие наши красавицы с желтыми кувшинками и белыми лилиями, вpletенными в светлые струи, и чтобы жаворонок дрожал над полем голубого дня. И чтобы скворечник на березе, и чтобы водились в нем летом скворцы, а зимой квартировали морозоустойчивые в шубенках нараспашку воробьи.

Было бы бессмысленно перечислять все приметы русской природы. Но из тысяч примет и признаков складывается все же то общее, что мы зовем родной природой и что мы, не отрекаясь ни от морской синевы, ни от высокогорной белизны, любим все же сильнее, чем что-либо иное в целом свете.

Чувство родной природы, нежная, трогательная любовь к ней, бесспорно, значимы в сложном чувстве Родины. Но все же это

чувство, ну, что ли, слишком непосредственно, произвольно. Я бы даже сказал, слишком интуитивно, чтобы на нем одном все держалось. Ведь если вдуматься, родная природа для нас не только то, что невольно видит и чем невольно любуется глаз. Здесь мы можем сказать, что чувство Родины состоит из чувства родной природы и любви к ней и еще из чувства родного народа и любви к нему.

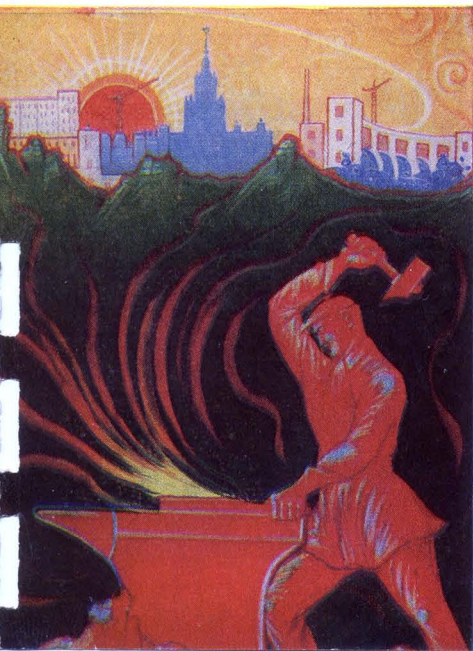
Разные бывают люди. Один видит далеко окрест, другой — не дальше своего носа. Да и в одном-то человеке иной раз живет много противоречивого. Но если рассыпать народ на десятки миллионов единиц, чтобы каждая сама по себе, то просто механическое соединение людей неспособно ни отстоять независимость, выиграв войну, ни совершить революцию, ни построить новое общество, ни тем более создать и передать потомкам систему нравственных и моральных идеалов, без чего невозможна полноценная жизнь общества.

Что могли бы мы сказать, например, о русском народе, если бы он не оставил Суздаля, Владимира, Ростова-Великого, Москвы, Ленинграда, если бы он не оставил нам «Слова о полку Игореве» и былинных богатей, если бы не ходил он где водою, где волоком «из варяг в греки», если бы не предупредил он противников перед бегом: «Иду на вы», — если бы не пробрался он в синюю-синюю Индию, если бы не бунтовал со Стенькой Разиным, Пугачевым, если бы не напел он своих протяжных песен про Волгу, про волю, если бы не победил он татар на поле Куликовом, турок под Измаилом, французов под Бородино, если бы не освободил болгар от пятисотлетнего турецкого ига, не вынес ленинградской блокады, не выиграл великой битвы на Волге, не взял Берлин?

Что бы мы могли сказать о русском народе, если бы он не породил таких своих сынов, как Ломоносов, Грибоедов, Толстой, Чехов, Горький, Репин, Павлов, Попов, Циолковский? Если бы, наконец, он не дал миру гений Владимиро Ильича?

Последнее пятидесятилетие еще приумножило славу России. Россия объединила, собрала в дружную семью десятки народов. Она превратилась в поминисте многонациональное государство.

Вот почему, когда любой из нас приезжает за границу и его спрашивают: «Кто вы?», — он отвечает гордо: «Я — русский».

Борис СЛУЦКИЙ

Когда откажутся от колеса,
когда его ходулями заменят,
а десятичная система счета
помрет, а синхрофазотроны
пойдут на переплавку —
Пушкина
все будут знать по имени
и отчеству.

Я выбрал самую
надежную профессию.

В ней все плохое
устаревает сразу, в чертежах,
а все хорошее
в двадцатом веке
не хуже, чем в двадцатом веке
до нашей эры.

Когда откажутся от рук и глаз,
от смелости и от любви,
тогда откажутся от нас —
от Пушкина.

Россия увеличивала нас:
ее штабы, ее масштабы,
ее поля, ее баштаны,
ее Урал, ее Кавказ.

И самые обычные слова
становятся необычайны,
когда подхватывает их Москва —
от радиовещания до чайной.

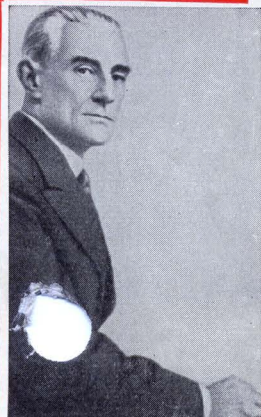
РАВЕЛЬ СОВРЕМЕННИК

привлекал своим ритмом заводской конвейер. Отблески ритмической пульсации, подслушанной композитором в окружающей жизни, можно уловить и в его музыке.

Эта строгость и неуклонность ритма характерна и для авторского исполнения Мориса Равеля. Надо сказать, что вообще композиторская интерпретация самая точная и логичная и может быть уподоблена авторскому чтению стихов.

Л. ВАСИЛЬЕВА

На снимке внизу: Морис Равель на фронте во время первой мировой войны.

Вы услышите «Сонатину» Мориса Равеля в исполнении автора. Перед тем, как поставить на проигрыватель одиннадцатую звуковую страницу, стоит вспомнить, что французский композитор Равель — наш современник (он умер в декабре 1937 года), и ему были близки многие открытия нашего века. Его можно было часто видеть за рулем автомобиля, и в годы первой мировой войны доброволец Морис Равель стал водителем грузовика в действующей армии. Он любил кинематограф и старался не пропускать ни одной новой картины, а во время гастролей по Америке с интересом слушал джазовую музыку. Нравился Равелю индустриальный пейзаж,

Не помню, кому принадлежат слова песни, слышанной мною когда-то: «Осторожнее, друг, ведь никто из нас здесь не был, в таинственной стране Мадагаскар...» Песня уже забылась, а вот слова пришли на память, когда я летел на этот далекий остров.

«Бойнг-707», вылетевший из Парижа, прошел над Монбланом, над Килиманджаро, над экватором. Разумеется, никакого экватора я не увидел и потому не буду говорить о том, чего не видел, тем более, что и того, что видел, достаточно.

Тананариве—столица Мальгашской республики. Город тысячи деревень. Так определил его принимавший нас вице-президент муниципального совета. Мы согласились с ним и в том, что этот город в хорошем беспорядке. Он как бы нарисован безумным художником. Тананариве расположен среди невысоких гор, его улицы, причудливо извиваясь, то взбегают круто вверх, то внезапно падают вниз. Автомобильный тоннель уживается рядом с заболоченными квадратами рисовых полей, а современные здания, в которых успокоительно шелестит эр-кондишн,— с небольшими домиками без стекол и без труб, отчего дым очага находит выход через оконные проемы.

Основной цвет городских строений кирпично-красный. Это цвет мадагаскарской земли. И эта красная, как кирпич, земля покрыта огненно-красными цветами фламбуайяна — огненного дерева.

Ярок и пестр в Тананариве его уникальный и неповторимый базар — зума. Особенно велик он в пятницу. Поэтому люди обычно с четверга тянутся в город — кто пешком с огромной корзиной фруктов на голове, кто на автомобиле, кто на крестьянской повозке или в старинном фиакре, запряженном парой выносливых антилоп с небольшим горбом над лопатками. Своими большими круглыми рогами и стаять антилопы очень смахивают на наших буренок.

На базаре много экзотических плодов земли: ананасы, бананы, кокосовые орехи, мушмула, перец, ваниль. К своему удивлению, в этой компании я встретил старую знакомую — картошку. Она и там прижилась. А мясо привозят из Франции, как и хлеб.

Особенно хороша кухня у месье Зизу. Месье Зизу долго приглядывался к нам, все стараясь сделать так, чтобы нам у него понравилось.

Однажды он подошел ко мне и протянул крупный, прозрачный топаз. Поняв мое смущение, он сказал:

— Нет, это не подарок, это дань за то, что вы сделали во время второй мировой войны.

Зизу — участник французского Сопротивления — умирал в фашистском лагере смерти, и советские войска его освободили, спасли. Он жил в Тулоне, но восемнадцать лет назад уехал на Мадагаскар.

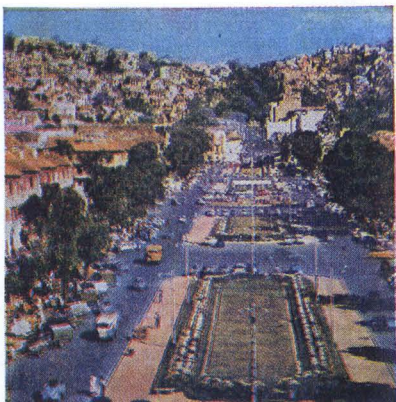
На базаре в Тананариве я встретил заинтересовавшего меня человека — мальгашского поэта Докса. У него, как мы говорим, трудная биография. Вся его семья — жена и дети — погибли во время эпидемии. Он остался один. Докс стоит на базаре, и любой человек может подойти к нему и заказать стихи на любую тему: свадебный тост, оду в честь хозяина или начальника, речь на похоронах — за плату, конечно.

В народной поэзии Мадагаскара особенно распространены так называемые «хэйн-тени» — ритмизованные лирико-философские высказывания, хранящие народную мудрость. Часто это просто кабарэ — пословицы или поговорки в стихах.

Мальгашская обрядовая песня, даже похоронная, ничего общего не имеет с траурной, грустной мелодией. Раз душа человека после смерти возносится в небеса, гласит поверье, то и не надо чинить ей препятствий, не надо закапывать гроб в землю. Покойника в гробу, выдолбленном из ствола пальмы (его делают так же, как пирогу), кладут на землю, и лишь после того, как труп высыхает, устраивается погребение.

Религия из поколения в поколение приучала мадагаскарцев к мысли о том, что смерть — это избавление человека от мучений. Вот почему чем ближе, чем дороже умерший человек,

Улица
Независимости —
центральная улица
Тананариве.

•
На берегу Нуси-бе.

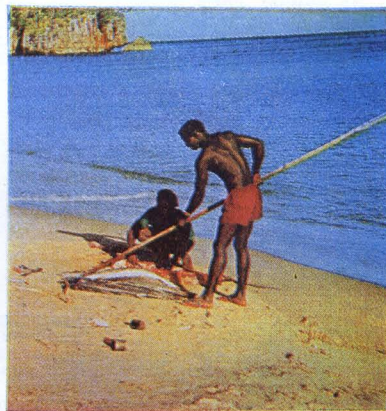
тем больше искренней радости на лицах оставшихся в живых его друзей и родственников, тем больше искренней радости в погребальных песнях. Страшная религия, потому что жизнь у людей была страшная.

А на могилах ставят надгробие из дерева, по-мальгашски «ало-ало». На этом памятнике вырезаются обязательные изображения солнца, луны и, кроме того, изображение причины смерти. Скажем, крокодил, который держит в зубах фигурку человека.

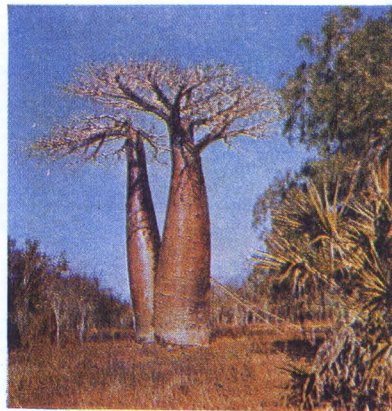
Дороги,
дороги...

•
Баобаб —
первая примета
Мадагаскара.

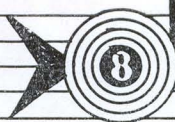

Крокодилы существуют на Мадагаскаре вполне реально, а не только в воображении туристов или в рассказах гидов. И если ваши родственники — язычники, то вы можете доставить им огромную радость, искупавшись в открытом океане, где водятся акулы, или в любой реке. Тогда изображение акулы или крокодила на вашем «ало-ало» обеспечено.

Александр НИКОЛАЕВ
Тананариве — Москва.

Ф И Л И П И Н К И

Филип, Филипина, Филипника— мужское, женское, девичье польские имена. Подобно тому как в старых польских журналах были постоянные собеседницы девушек-подростков—Люцинка или Паулинка, так и современный варшавский молодежный журнал выбрал для себя название «Филипинка».

А в эстрадном мире Польши появилось уже семь «Филипинок»: это вокальный септет, возникший около семи лет назад при щецинской торговой школе. Руководит им педагог и композитор Ян Яниковский. «Филипинки» дают концерты на родине и за границей. Они уже побывали в ГДР, Швеции, США.

Признаться, встретиться с ними в Варшаве мне было очень трудно. Каждый день расписан у них с утра до вечера: репетиции, съемки, записи, концерты. И только на одной из студий грамзаписи в Варшаве, где «Филипинки» записывали свою новую пластинку, встреча наконец состоялась. И тут я узнал, что мы скоро увидимся с ними в Москве. А пока вы можете познакомиться с «Филипинками» — на восьмой звуковой странице журнала.

В. ИВАНОВ

Варшава.

— Ага, Мопассан! Здесь все про вашего брата прописано!

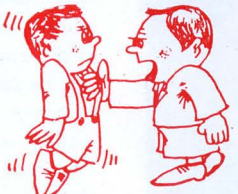
— А на каком же языке рукопись?

Обновление репертуара.

— Это твоя сестра иссушила моего брата!

— Я сознаю, дядя Вася: в самом начале жизненного пути—и такие вещи!

Рисунки
Е. Шабельника.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

слушайте
в
номере:

Издатель:
**КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР**

На первой странице
обложки фото
Виктора Хоменко.

Режиссер
Н. Субботин.

Художник
А. Луцкий.

Технический
редактор
И. Шифрин.

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.**

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны
редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В04507. Подп. к печ.
23.II.67. Формат
бумаги 84×108¹/₂.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 454.

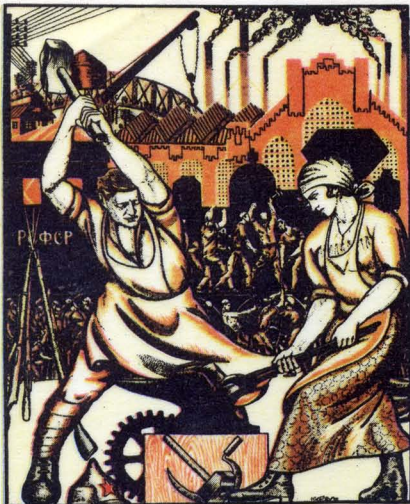
Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

1. Мой Ленин. Фонофильм.
 2. Первороссияне. Хроника одной крестьянской семьи.
 3. Весна, весна... Репортаж А. Ермилова.
 4. Звуковое приложение к собранию сочинений. Никола Бажан. Из цикла «Итальянские встречи». Читает автор.
 5. Плакат времени. «Как родная меня мать провожала» (музыка народная); «На рыбалке» (И. Дунаевский); «Проходит кавалерия» (В. Шаинский). Исполняют Б. Кузнецов и Л. Полосин, вокальный квартет «Улыбка», В. Трошин.
 6. Лирика трудных дорог. А. Абрамов, М. Владимов, «Трасса»; О. Фельцман, А. Гангов. «Ты это не забудь». Поют И. Сластенко и М. Кристаллиная.
 7. Путешествие на Мадагаскар.
 8. «Филипинки» — вокальный польский ансамбль; «Филипинки — это мы»; «Баллада о том, кто далеко»; «Батуми».
 9. Музыкальные лучи планеты. Р. Караклаич и И. Кобзон исполняют песни: «Первая любовь» (А. Петров, Л. Куклин) и «Луна» (Б. Карадимчев, О. Гаджинасимов).
 10. Наши премьеры. Я. Френкель, К. Ваншенкин. «О встречах и расставаниях» (поет В. Трошин); С. Пожлаков, В. Малышев. «Причал» (поет Э. Пьеха).
 11. Для домашней фонотеки. Играет Равель. Сонатина.
 12. Страница джаза. «Песня». Исполняет трио — Б. Рычков, С. Мартынов и Н. Гончаров, победители Московского фестиваля джазовых оркестров.
- Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

Весна. Это оживший ручей, птичий гомон, это разногласица бульваров... Встреча с весной — на третьей звуковой странице.

**ОРУЖИЕМ МЫ ДОБИЛИ ВРАГА
ТРУДОМ МЫ ДОБУДЕМ ХЛЕБ
ВСЕ ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ!**

”
**трудом
мы
добудем
хлеб**
“

**ЕЩЕ НЕ ЧЛЕН
КООПЕРАТИВА,
— ЗАПИШИСЬ
НЕМЕДЛЕННО!**

**ЧИНИ, ТОВАРИЩ,
КРАСНЫЙ ПУТЬ
И РЕК СОВЕТСКИХ
НЕ ЗАБУДЬ**

Отгремели бои гражданской, наступил долгожданный мир. А плакат по-прежнему ведет в бой — на передний край. Плакат обращается, плакат призывает: «Оружием мы добились врага — трудом мы добудем хлеб. Все за работу, товарищи!» (художник Когоут); «Чини, товарищ, красный путь и рек советских не забудь» (художники Черемных). Плакат «Снижение цен — основная задача кооперации» принадлежит художнику Данчичу. Художник Сварог призывает крестьян: «Ты еще не член кооператива — запишись немедленно!»

Первый пятилетний план успешно выполнен. Плакат: реакция капиталистов на достижения Страны Советов (Дени и Долгоруков). В Германии фашизм пришел к власти. Призыв: «Против класса эксплуататоров — пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Моор).

Плакаты как вехи обозначают поступь нашей страны.

В. ШАБЕЛЬНИКОВ

Цена 1 руб.